

ВЛИЯНИЕ ВОЛИ НА ФОРМИРОВАНИЕ ДОБРОСОВЕСТНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Е. А. Косарева

Воронежский государственный университет

THE INFLUENCE OF WILL ON THE FORMATION OF GOOD FAITH IN THE MODERN CIVIL LAW OF THE RUSSIAN FEDERATION

E. A. Kosareva

Voronezh State University

Аннотация: рассматривается влияние воли субъекта гражданских правоотношений на формирование добросовестности. Исследуется актуальная судебная практика, подчеркивающая важность для правоприменителя анализировать не только фактическое волеизъявление стороны, но и внутреннее отношение лица к совершаемым действиям.

Ключевые слова: добросовестность, воля, стандарт поведения, злоупотребление, сделка.

Abstract: the influence of the will of the subject of civil legal relations on the formation of good faith is considered. The current judicial practice is studied, emphasizing the importance for the law enforcement officer to analyze not only the actual expression of the will of the party, but also the internal attitude of the person to the actions performed.

Key words: good faith, will, standard of conduct, abuse, transaction.

Гражданский кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ)¹ определяет, что участники гражданских отношений при установлении, осуществлении и защите и при исполнении гражданских обязанностей должны действовать добросовестно.

Верховный Суд Российской Федерации указывает, что, «оценивая действия сторон как добросовестные или недобросовестные, следует исходить из поведения, ожидаемого от любого участника гражданского оборота, учитывающего права и законные интересы другой стороны»².

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая : федер. закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 29.12.2017) // Рос. газета. 1994 № 238–239.

² О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8.

© Косарева Е. А., 2025

Как известно, действующее законодательство устанавливает презумпцию добросовестного поведения, в то время как участники гражданских правоотношений могут доказать обратное.

Говоря о том, а как же в целом правоприменитель должен оценить это добросовестное поведение, не стоит забывать и о следующем важном постулате: субъектам гражданского права предоставлена возможность приобретать и осуществлять свои гражданские права своей волей и в своем интересе.

Воля в качестве категории гражданского права представляет собой внутренний психический процесс, результатом которого является совершение юридического действия, регулируемого гражданским правом.

Возникает разумный вопрос – а должен ли правоприменитель, оценивая действия сторон как добросовестные или недобросовестные, анализировать действительную волю субъекта? Или правоприменителю достаточно по-

смотреть на волеизъявление, т. е. внешнее выражение воли?

И, в целом, как правоприменителю оценивать ситуацию, когда внешнее выражение воли субъекта гражданского права выглядит вполне себе правомерным и достойным поведением, преследующим породить правовые последствия, т. е., например, абсолютно действительной сделкой, но мы понимаем, что внутренняя воля была иной и «лукавой»?

Изменение общественных отношений, а также развитие дистанционного способа продажи товаров заставляют нас анализировать классические принципы и основы гражданского права с разных плоскостей. Так, ставшее известным в 2023–2024 гг. «Дело ЦУМа»³ наводит на большое количество рассуждений.

Общеизвестно, что сторона спора, а именно популярный торговый дом «ЦУМ», зарегистрированный как ОАО «ТД ЦУМ» в ЕГРЮЛ, осуществляет деятельность по продаже весьма дорогостоящей брендовой одежды и аксессуаров. Ситуация, которая стала предметом огромного количества дискуссий и обсуждений, весьма банальна: при оформлении заказа покупателем произошел некий сбой (природа его не установлена судами), по причине которого товары на сайте ЦУМа стали стоить в пределах 100 рублей. Сложившейся ситуацией воспользовался покупатель, безусловно, оформив заказ по многим позициям и товарам, однако заказ продавцом был отменен. Требования, которые стали предметом спора, во многом очевидны: покупатель требовал признать договор заключенным, продавец в целом оспаривал факт наличия заключенной сделки, но при этом просил признать ее недействительной. Итогом стало установление факта заключения договора (без удовлетворения требования, т. е. суд в решении признал этот факт сам по себе), а также отказ в признании этого договора недействительным.

Анализируемая сделка с точки зрения условий ее действительности соответствовала всем критериям: действие было явно волевым, оно было направлено на возникновение правоотношений и совершалось в соответствии с требованиями закона.

Но вопрос, которым разумно задаться, анализируя указанные судебные акты, выглядит следующим образом: «А не позволяет ли правоприменитель в указанных судебных актах право защищаться недобросовестным субъектам, воля у которых при вступлении в правоотношение уже заранее не учитывала интересы другой стороны?».

На что в анализируемом случае была направлена воля, из чего состоял так называемый «психический процесс»? Не возникло ли ситуации, где воля получила свой «недобросовестный порок», ведь очевидно, что покупатель безумно был счастлив, когда приобретал дорогостоящие товары по «смешным ценам»?

Иными словами, стоит ли оценивать тот факт, что воля подобного субъекта уже изначально была «испорчена»?

Испорчена тем, что покупатель понимал, что таких цен не бывает у продавца, что сложившаяся ситуация вызвана какими-то техническими или организационными причинами, тем самым, такой покупатель преследовал цель «обогащаться» в неожиданной ситуации. Таким образом, воля на момент совершения сделки сама по себе была недобросовестной, ведь интересы другой стороны покупателем не были учтены, хотя при прочих равных условиях покупатель должен был явно усомниться в добросовестности совершаемых им действий.

Ю. П. Свит определяет в качестве составляющей добросовестного поведения «отсутствие противоречия законодательству РФ, обычаям делового оборота, отсутствие направленности или осознаваемой возможности причинения убытков (вреда) другим лицам»⁴. Подобный подход заставляет суд оценивать не только внешнюю составляющую правоотношений, но и их содержание, в частности юридических фактов, как волевых действий участников оборота.

Не стоит забывать, что в целом добросовестность в доктрине разделяют на объективную и субъективную. По мнению И. Б. Новицкого, объективная добросовестность представляет собой обеспеченное императивной силой закона некое всеобъемлющее мерило, которым руководствуется и рядовой участник оборота, реализуя свои интересы и действия, и суд, используя его в качестве инструмента для расширительного тол-

³ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 6 июня 2023 г. № 16-КГ23-6-К4. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Свит Ю. П. Понятие и значение добросовестности и разумности в современном российском праве // Законы России : опыт, анализ, практика. 2010. № 9. С. 7.

кования формальных предписаний закона для искоренения всякого злоупотребления.

В субъективном смысле добросовестность понимается И. Б. Новицким как правомерное заблуждение лица насчет фактов, имеющих юридическое значение, или ошибочная уверенность в их наличии. Безусловно, такое заблуждение также должно основываться на объективной обстановке, которую придется анализировать в суде⁵.

Но насколько актуально в современном мире деление добросовестности на объективную и субъективную? Ведь в ГК РФ закреплено общее правило о необходимости добросовестного поведения участников оборота, а прочие нормы, сходные с общим правилом, дополняют или конкретизируют его применительно к определенным правоотношениям. Можно ли сделать вывод, что по общему правилу в современном гражданском праве добросовестность рассматривается в объективном смысле, как общее «мерило»?

А. В. Егоров утверждает, что «совершенно неправильно усматривать в принципе добросовестности предписание возлюбить ближнего своего больше, чем самого себя. Задача этого принципа абсолютно иная. Он призван сдерживать проявления личного эгоизма там, где этот эгоизм начинает выступать препятствием для жизни социума, и не более того»⁶.

Так вот, возвращаясь к влиянию воли, раз современное гражданское законодательство пропитано духом «добросовестности», и все участники должны заботиться друг о друге и учитывать интересы, не должен ли правоприменитель задаваться вопросом – а на что была направлена воля стороны при вступлении в правоотношение?

Принципы гражданского права должны быть оценены правоприменителем в совокупности: да, осуществление прав должно осуществляться своей волей и в своем интересе, но при этом учитывая и интересы других лиц. Только такое толкование важнейших постулатов может стать хорошей основой для правоприменителя.

Другим образом, если участник правоотношений реализует свои права и интересы, создает для себя определенный правовой результат, но понимает, что при такой ситуации будут нарушены интересы другой стороны, то его воля в таком случае является недобросовестной. Как, например, с покупателем в описанном выше деле: он приобретал товары на сайте магазина (вполне себе правомерная ситуация), но, оценивая условия сделки («нереально» заниженная цена), он понимал, что магазин в таком случае явно терпит какие-то убытки, соответственно, такое желание совершить сделку при подобных условиях не должно быть оценено как добросовестное поведение, а следовательно, иметь право на защиту.

Иными словами, если мы хотим добиться от правоприменителя полноценного анализа правоотношений и серьезного погружения в спор, то в таком случае не стоит забывать и оценивать действительную волю сторон, поскольку она может стать важнейшей составляющей для решения вопроса о добросовестном или недобросовестном поведении.

Таким образом, именно неюридический термин и неправовая категория «воля» играет огромную роль в возникновении, исполнении и прекращении гражданских правоотношений, поэтому субъектам правоприменения не стоит относиться поверхностно к анализу психического отношения лица к своим действиям, а наоборот, стоит рассматривать волю как важную категорию, влияющую на гражданские правоотношения.

Библиографический список

Егоров А. В. Принцип добросовестности в Гражданском кодексе РФ : первые шаги реформы // Legal Insight. 2013. № 2. С. 4–10.

Новицкий И. Б. Принцип доброй совести в проекте обязательственного права // Вестник гражданского права. 2006. № 1. С. 124–181.

Свит Ю. П. Понятие и значение добросовестности и разумности в современном российском праве // Законы России : опыт, анализ, практика. 2010. № 9. С. 3–9.

References

Egorov A. V. The principle of good faith in the Civil Code of the Russian Federation: the first steps of reform // Legal Insight. 2013. No. 2. P. 4–10.

Novitsky I. B. The principle of good faith in the draft law of obligations // Bulletin of Civil Law. 2006. No. 1. P. 124–181.

⁵ См.: Новицкий И. Б. Принцип доброй совести в проекте обязательственного права // Вестник гражданского права. 2006. № 1. С. 130.

⁶ Егоров А. В. Принцип добросовестности в Гражданском кодексе РФ : первые шаги реформы // Legal Insight. 2013. № 2. С. 9.

Sweet Yu. P. The concept and meaning of good faith and reasonableness in modern Russian law // Laws of

Russia : experience, analysis, practice. 2010. No. 9. P. 3–9.

Воронежский государственный университет
Косарева Е. А., преподаватель кафедры гражданского права и процесса
E-mail: k.cosareva2012@yandex.ru

Voronezh State University
Kosareva E. A. Lecturer at the Department of Civil Law and Process
E-mail: k.cosareva2012@yandex.ru

Поступила в редакцию: 20.01.2025

Received: 20.01.2025

Для цитирования:

Косарева Е. А. Влияние воли на формирование добросовестности в современном гражданском праве Российской Федерации // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2025. № 2 (61). С. 336–339. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/2/336-339>

For citation:

Kosareva E. A. The influence of will on the formation of good faith in modern civil law of the Russian Federation // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2025. No 2 (61). P. 336–339. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/2/336-339>